

ГРѢХАХЪ И БОЛѢЗНЯХЪ

— *Н. Страховъ*: „Наша культура и всемірное единство“.—Замѣчанія на статью г. Влад. Соловьева: „Россія и Европа“ („Русск. Вѣстн.“, іюнь, 1888).

„Много болѣзней точать безмѣрное тѣло
Россіи“.

Н. Страховъ.

„Мнѣ стыдно — за наше общество“.

Онъ же.

Вотъ и почтенный авторъ „Рокового вопроса“ объявилъ меня врагомъ отечества. То, что онъ говоритъ на эту благодарную тему, было уже высказано — и съ большею силою — во многихъ газетныхъ статьяхъ. „Будь самимъ собою“, сказалъ себѣ г. Страховъ („Р. В.“, стр. 252)—и вышелъ усерднымъ, хотя и слабымъ подражателемъ газетныхъ „патріотовъ“. Есть, однако, важная разница между ними и нашимъ критикомъ, и—увы!—не въ его пользу.

Быть можетъ, читатели помнятъ, что статья: „Россія и Европа“ была написана на тему *о немощи русскаго просвѣщенія и о пустотѣ славянофильскихъ претензій*. Такъ какъ эти послѣднія нашли себѣ систематическое выраженіе въ извѣстной книгѣ покойнаго Данилевскаго, то мнѣ и нужно было заняться ея разборомъ. Популярныя газеты, представляющія нынѣшнее русское просвѣщеніе, естественно были возмущены моимъ отрицательнымъ взглядомъ, но не ограничились упреками во враждѣ къ отечеству, а стали прямо опровергать мои положенія, доказывая, что наша культура процвѣтаетъ, что въ наукахъ, искусствахъ, литературѣ мы отчасти уже превзошли Европу, а отчасти непремѣнно пре-

взойдемъ въ самое близкое будущее. Все это было хотя и недостоверно, но вполне понятно, натурально и послѣдовательно. Если при этомъ мнѣ приписывались и такія мысли и чувства, какихъ я никогда не имѣлъ, то это происходило, конечно, по искреннему недоразумѣнію и извинялось быстротою газетной работы. Что же г. Страховъ? Написавши на досугъ цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ: „*Наша культура и всемірное единство*“, попытался ли онъ доказать цвѣтущее состояніе и высокую культурно-историческую самобытность нашего національнаго просвѣщенія, указалъ ли онъ въ настоящемъ хоть на одинъ положительный и опредѣленный задатокъ нашего великаго будущаго? Ничуть не бывало! Отстранивъ отъ себя на весьма недостаточныхъ основаніяхъ эту интересную и существенную задачу („Р. В.“, 202), онъ ставитъ себѣ совершенно другую: доказать, что „г. Соловьевъ — самъ на этотъ разъ явился печальнымъ образчикомъ немощи русскаго просвѣщенія“ („Р. В.“, 203). Образчикъ выходитъ, дѣйствительно, печальный и даже не только „на этотъ разъ“. Ибо если вѣрить г. Страхову, то въ нравственномъ отношеніи я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которыхъ по Моисееву закону казнили смертью (Исх. XXI, 17; Лев. XX, 9), а въ умственномъ отношеніи критикъ не находитъ ничего лучшаго, какъ примѣнить ко мнѣ самому тотъ глубоко-соболюбивательный отзывъ Рабана Маура о чистомъ небытіи, который я привелъ по поводу русской философіи. Кого же, однако, опровергаетъ этимъ г. Страховъ? Конечно, не меня, ибо я никакого достоинства и значенія себѣ не приписывалъ и, говоря, напимѣръ, о грустномъ состояніи русской философіи, не дѣлалъ исключенія въ пользу своихъ философскихъ трудовъ. Г. Страховъ не только меня не опровергаетъ, — онъ всѣми возможными (а зачастую и невозможными) способами старается подтвердить, съ своей стороны, мой собственный тезисъ. Чѣмъ яснѣе, въ самомъ дѣлѣ, моя несостоятельность, тѣмъ яснѣе выходитъ, по словамъ г. Страхова, и немощь русскаго просвѣщенія, коей я служу для него образчикомъ. Или, можетъ быть, я придираюсь тутъ къ словамъ, и досточтимый критикъ только обмолвился этою фразой: „самъ онъ“ и т. д.? Быть можетъ, это только необдуманное примѣненіе того полемическаго приема, который столь обыченъ въ спорахъ между дѣтьми: „ты дуракъ!“ — „нѣтъ, ты самъ дуракъ!“ Но г. Страховъ не позволяетъ намъ остановиться на такомъ предположеніи. Мнѣніе о немощи русскаго просвѣщенія есть его настоящее, серьезное мнѣніе. Высказавши его самымъ рѣшительнымъ образомъ въ „Борьбѣ съ Западомъ“, г. Страховъ и теперь не беретъ его назадъ, а еще

подтверждаетъ новымъ заявленіемъ, говоря, что ему стыдно за русское общество. Правда, онъ горячо протестуетъ противъ всякаго сопоставленія своего пессимизма съ моимъ, однако, по истинѣ, никакой „великой разницы въ самомъ смыслѣ упрековъ“ не оказывается. По словамъ г. Страхова, упреки славянофиловъ (къ нимъ причисляетъ онъ и себя въ этомъ случаѣ) относятся къ общественному слою, „заправляющему у насъ почти вполнѣ и внѣшними, и внутренними дѣлами, но никакъ не ко всему народу, взятому въ его внутреннихъ силахъ и *возможностяхъ*“ („Р. В.“, 254). Но кто же отрицалъ эти внутреннія силы и возможности? Печально только то, что, оставаясь вѣчно подъ спудомъ—въ „глубинѣ“ и „молчаніи“,—эти возможности ничуть не мѣшаютъ той общественной дѣйствительности, за которую даже любвеобильному г. Страхову стыдно. Итакъ, изъ-за чего же этотъ почтенный критикъ напалъ на меня въ хвостѣ газетныхъ обличителей? Признавши немощь дѣйствительнаго русскаго просвѣщенія, онъ тѣмъ самымъ призналъ истинность моего взгляда и пустоту своего негодованія.

Напрасно и неудачно затронувши эту сторону дѣла, Н. Н. Страховъ сосредоточилъ свои усилія на защитѣ, противъ меня, исторической теоріи Данилевскаго? Что при этомъ о самыхъ существенныхъ моихъ возраженіяхъ искусный критикъ старательно *умолчалъ*, а другимъ придавъ нарочно безсмысленный видъ и *ни одного* серьезно не разобралъ—это въ порядкѣ вещей и несколько меня не удивило. Не удивился я и тому, что фальшивость или безсодержательность критическихъ замѣчаній прикрыва обиліемъ бранныхъ восклицаній. Но чтѣ меня поразило—несмотря на достаточное знакомство съ самобытными приемами русской полемики—это та бездеремонность, съ которою г. Страховъ подставилъ, вмѣсто основной мысли Данилевскаго, какую-то совсѣмъ иную, сославшись въ оправданіе на *свое собственное* прежнее сужденіе! По теоріи Данилевскаго славянство ¹⁾, хотя и не имѣетъ никакой все-человѣческой задачи (единое человѣчество здѣсь огрицается), но, будучи *последнимъ* въ ряду преемственныхъ культурно-историческихъ типовъ и притомъ самымъ *полнымъ* (четырехъ-основнымъ), должно придти на смѣну прочимъ, частію отжившимъ, частію отживающимъ типамъ (Европа); славянскій міръ есть море, въ которомъ должны слиться всѣ потоки исторіи—этою мыслью Данилевскій заканчиваетъ свою книгу, это есть послѣднее слово всѣхъ его разсужденій. Сліяніе же историческихъ

¹⁾ Сюда включаются греки, румыны и мадьяры, но исключаются поляки.

потоковъ въ славянскомъ морѣ должно произойти не иначе, какъ посредствомъ великой войны между Россіей и Европой. По поводу этого рокового кровопролитія Данилевскій прославляетъ войну вообще какъ единственный достойный способъ рѣшенія міровыхъ вопросовъ и даже сравниваетъ ее съ явленіемъ Божиимъ на горѣ Синаѣ. Тѣмъ не менѣе г. Страховъ увѣряетъ, что это воззрѣніе отличается духомъ кротости ¹⁾, допуская *въ будущемъ* существованіе и развитіе другихъ культурно-историческихъ типовъ *рядомъ* съ славянскимъ. Данилевскій высказываетъ и въ цѣлыхъ главахъ своей книги развиваетъ противоположную мысль; ея же поэтическимъ выраженіемъ завершаетъ онъ и все свое изслѣдованіе. Но г. Страховъ на Данилевскаго и не ссылается: ему довольно привести *свой собственный* отзывъ, сдѣланный при появленіи „Россіи и Европы“ („Р. В.“, 213). Чтѣ же однако доказываетъ эта ссылка на самого себя, кромѣ того, что г-ну Страхову и въ прежнія времена случалось грѣшить противъ истины?

Старый и опытный литераторъ, онъ отлично знаетъ недостатки и слабости читающей публики: ея невнимательность, забывчивость, предубѣжденность противъ извѣстнаго рода мыслей, неспособность или неохоту вникать въ умственные и нравственные предметы. Этими отрицательными свойствами, неизбежными у *большинства* читателей, г. Страховъ пользуется съ великою смѣлостью: на нихъ всецѣло и исключительно рассчитана его послѣдняя статья.

Еслибы дѣло шло о чисто-литературномъ спорѣ, то я могъ бы покончить мой отвѣтъ этимъ общимъ отзывомъ, предложивши въ заключеніе всякому желающему сличить „замѣчанія“ критика съ статьею „Россія и Европа“ и съ книгою Данилевскаго. Но вопросъ объ истинности или ложности ново-славянофильской теоріи прямо связанъ съ самыми существенными вопросами русской жизни, и я нахожу невозможнымъ оставить дѣло невыясненнымъ.

I.

При видѣ отвратительной и постыдной оргіи человѣкъ напоминаетъ своимъ ближнимъ, что безмѣрно пьянствовать и объѣдаться — дѣло дурное и вредное; а на это ему съ негодованіемъ возражаютъ: „Какъ? ты утверждаешь, что пшеница, вино и елей

¹⁾ Особенно проявилось „славянское благодушіе“ и „терпимость“ въ отзывахъ автора *Россіи и Европы* о протестантствѣ, какъ объ „отрицаніи религіи вообще“, и о католициствѣ, какъ „продуктѣ лжи, гордости и невѣжества“.

суть безнравственные вещи? Да гдѣ же твои доводы? Ну-тка докажи!“ — Совершенно подобное „недоразумѣніе“ произошло между мною и г. Страховымъ. Онъ требуетъ, чтобы я ему доказалъ — что бы вы думали? — *безнравственность принципа народности!* „Очень жаль, что г. Соловьевъ, порицая такъ сильно принципъ національности, нигдѣ не объясняетъ, чѣмъ же именно онъ противенъ нравственности, все равно высшей, или низшей“ („Р. В.“, 207); и далѣе: „Безнравственность принципа народности г. Соловьевъ, кажется, считаетъ вовсе и не требующею доказательствъ“ (ibid.); и еще: „понятно теперь, почему у г. Соловьева нѣтъ вовсе доводовъ, объясняющихъ безнравственность начала народности; такихъ доводовъ и быть не можетъ“ („Р. В.“, 213). Это, конечно, вполне понятно; но вовсе непонятно, почему г. Страховъ искалъ у меня доводовъ для такой невообразимой нелѣпости, которая ему, Богъ вѣсть съ чего, приснилась. Трудно повѣрить, чтобы тонкій умъ почтеннаго критика не понималъ различія между *національностью* и *націонализмомъ*. — вѣдь это то же самое, что различіе между *личностью* и *эгоизмомъ*. Приходило ли кому-нибудь въ голову утверждать, что въ принципѣ личности есть что-нибудь безнравственное, тогда какъ безнравственность эгоизма не требуетъ и доказательствъ. Распространяться о безнравственности націонализма или національнаго эгоизма, покушающагося на жизнь и свободу чужихъ народностей, было бы, безусловно говоря, столь же излишне, какъ доказывать безнравственный характеръ личнаго эгоизма. Но такъ какъ манія націонализма есть господствующее заблужденіе нашихъ дней, то я и разбиралъ его съ нравственной точки зрѣнія въ нѣсколькихъ статьяхъ, хорошо извѣстныхъ г. Страхову, но непринятыхъ имъ во вниманіе. Гораздо легче требовать невозможныхъ доводовъ въ пользу выдуманной вами на смѣхъ нелѣпости, нежели возражать на дѣйствительные аргументы противъ любезнаго вамъ заблужденія.

Другое изобрѣтеніе г. Страхова есть тотъ смѣшной и глупый поступокъ, который онъ мнѣ приписываетъ на стр. 202: „въ этихъ оцѣнкахъ, — говоритъ онъ (рѣчь идетъ о нашей культурѣ), — очень ясно обнаружился тотъ недостатокъ любви, въ которомъ упрекалъ его когда-то И. С. Аксаковъ. Г. Соловьевъ отвѣчалъ на это, что онъ не разъ заявлялъ о своей любви къ Россіи“. Ссылаться на свои заявленія о любви къ Россіи я никакъ не могъ по той простой причинѣ, что никогда такихъ заявленій не дѣлалъ. На самомъ дѣлѣ было нѣчто совершенно другое. Покойный И. С. Аксаковъ, нападая на одну мою статью (напечатанную Н. Н. Страховымъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“),

сдѣлалъ по недосмотру ошибочное замѣчаніе, будто, говоря о „вѣрѣ“ въ народъ, о „служеніи“ народу, я ничего не говорилъ о „любви“ къ народу. Въ своемъ отвѣтѣ я поправилъ эту фактическую ошибку И. С—ча, приведя тѣ мѣста моей статьи, гдѣ развивалось опредѣленное *понятіе* о томъ, въ чемъ любовь къ народу должна состоять и выражаться—именно въ сочувствіи истиннымъ народнымъ *потребностямъ*, въ *дѣятельномъ* стремленіи пособить настоящимъ не только матеріальнымъ, но преимущественно духовнымъ нуждамъ народа, причемъ какъ на образцы такой любви я указывалъ на ап. Павла, на князя Владимира Кіевского, на Петра Великаго ¹⁾. Гдѣ же тутъ заявленія о *своей* любви къ Россіи? Или г. Страховъ не понимаетъ, что одно дѣло—разбирать общинтересный вопросъ о сущности истиннаго патріотизма, и совсѣмъ другое—заявлять о своихъ личныхъ чувствахъ, которыхъ никому не нужно знать. Покойный Аксаковъ не продолжалъ начатаго имъ спора, но я могъ ожидать, что г. Страховъ покажетъ мнѣ теперь ошибочность моихъ понятій (*понятій*, досточтимый критикъ, *понятій*!) о любви къ народу или о патріотизмѣ. Но онъ предпочелъ приписать мнѣ небывалыя заявленія, чтобы имѣть поводъ усомниться въ моей правдивости. Любовь—воскликаетъ онъ—доказывается не заявленіями! Вотъ глубокая и новая истина, сознаніе которой не помѣшало, однако, почтенному Н. Н. Страхову распространиться подъ конецъ о своихъ личныхъ чувствахъ къ Россіи („Р. В.“, 255).

Не буду перечислять другихъ случаевъ, гдѣ г. Страховъ замѣняетъ возраженіе изобрѣтеніемъ. Ограничусь общимъ и краткимъ отвѣтомъ на всѣ такіе случаи: *Не послушествоуй на друа твоего свидѣтельства ложна*. Для крптика, столь уважающаго, повидимому, заповѣди десятисловія, этого будетъ достаточно. Что же касается до читателей, которымъ г. Страховъ взялся „помочь въ этомъ дѣлѣ“ („Р. В.“, 203), то считаю бесполезнымъ напомнить имъ въ нѣсколькихъ краткихъ тезисахъ свои мысли о національности вообще и о Россіи въ частности.

1. Народность есть положительная сила, и всякій народъ имѣетъ право на независимое (отъ другихъ народовъ) существованіе и на свободное развитіе своихъ національных особенностей ²⁾.

2. Народность есть самый важный факторъ природно-человѣческой жизни, и развитіе національнаго самосознанія есть великій успѣхъ въ исторіи человѣчества ³⁾.

¹⁾ См. „Національный Вопросъ въ Россіи“, изд. 2, стр. 51—53. Первоначально мой отвѣтъ Аксакову былъ напечатанъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ (апр. 1884).

²⁾ „Нац. вопросъ въ Россіи“, изд. 2, стр. 10, 33, 117.

³⁾ Ibid. 31, 32.

3. Національная идея, понимаемая въ смыслѣ политической справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабыя и угнетенныя, имѣетъ высокое нравственное значеніе и заслуживаетъ всякаго уваженія и симпатіи ¹⁾).

4. Націонализмъ или національный эгоизмъ, т.-е. стремленіе отдѣльнаго народа къ утвержденію себя на счетъ другихъ народностей, къ господству надъ ними, — есть полное извращеніе національной идеи; въ немъ народность изъ здоровой, положительной силы превращается въ болѣзненное, отрицательное *усиліе*, опасное для высшихъ человѣческихъ интересовъ и ведущее самый народъ къ упадку и гибели ²⁾).

5. Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія ³⁾).

6. Національная самобытность Россіи, проявившаяся, между прочимъ, въ нашей изящной литературѣ, не подлежитъ сомнѣнію ⁴⁾).

7. Истинный духъ русской народности, опредѣляемый высшимъ нравственнымъ началомъ, выразился въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возникновеніе русскаго государства (призваніе варяговъ), а также крещеніе Руси, потомъ въ реформѣ Петра Великаго и, наконецъ, въ воспріимчивомъ, отзывчивомъ и всеобъемлющемъ характерѣ русской поэзіи ⁵⁾).

8. Въ настоящее время, при искусственномъ возбужденіи въ русскомъ обществѣ грубо-эгоистическихъ инстинктовъ и стремленій, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ историческихъ условій, духовное развитіе Россіи задержано и глубоко извращено, національная жизнь находится въ подавленномъ, болѣзненномъ состояніи и требуетъ коренного исцѣленія ⁶⁾).

Еслибы г. Страховъ серьезно и искренно держался тѣхъ мнѣній, которыя онъ не разъ высказывалъ, начиная отъ „Рокового вопроса“ и кончая заключительными страницами „Борьбы съ Западомъ“, — мнѣній, вполне совпадающихъ съ послѣднимъ и самымъ важнымъ изъ моихъ тезисовъ, онъ долженъ бы былъ не вооружаться противъ меня, а поддерживать и руководить мой слабый умъ въ трудномъ дѣлѣ изслѣдованія нашихъ общественныхъ грѣховъ и болѣзней. А вотъ теперь вмѣсто того приходится заниматься болѣзненными продуктами самого г. Страхова.

¹⁾ Ibid. 117.

²⁾ Ibid. 10.

³⁾ Ibid. *passim*.

⁴⁾ Ibid. 142.

⁵⁾ Ibid., вся глава „О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи“.

⁶⁾ Ibid., глава: „Россія и Европа“.

П.

„Что значить „единое по природѣ“ человѣчество? По обыкновенному пониманію это значить, что *природа у всѣхъ людей одна*, что они *равны* между собою по своей природѣ, а слѣдовательно и „по нравственному назначенію“. Г. Соловьевъ самъ нерѣдко употребляетъ это слово *равенство*; по потомъ безъ всякихъ оговорокъ ставитъ на мѣсто его *единство*, а „единству“ онъ даетъ совершенно другой смыслъ—и въ этомъ-то простѣйшемъ софизмѣ заключается источникъ всего его воодушевленія!—Подъ единствомъ онъ разумѣетъ такое отношеніе между людьми, по которому они образуютъ единое и нераздѣльное цѣлое“ (Р. В., 205). Въ указанный г. Страховымъ софизмъ я впаль бы дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, еслибы мое понятіе о человѣчествѣ, какъ единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ, допускало существенное неравенство его частей (по отношенію къ абсолютной цѣли ихъ бытія); если же я имѣю о человѣчествѣ какъ цѣломъ такое понятіе, которое необходимо требуетъ равенства (въ указанномъ отношеніи) всѣхъ его частей и элементовъ (народовъ и недѣлимыхъ), то я могу, безъ всякаго софизма, подъ единствомъ цѣлаго разумѣть и равенство его частей. Поэтому г. Страхову, вмѣсто неидущихъ къ дѣлу разсужденій объ отвлеченныхъ возможностяхъ, о томъ, что части цѣлаго „*могутъ* быть различны по своему достоинству“ и т. д. (206), слѣдовало бы прямо разобрать утверждаемую мною идею единого человѣчества. Подойдя къ ней, наконецъ, послѣ многихъ обходовъ, г. Страховъ жалуется на то, что я подтверждаю свою мысль лишь глухими ссылками на различные авторитеты: на Сенеку, на ап. Павла, на положительно-научную философію, т.-е. на Огюста Конта (?). „Не слишкомъ ли ужъ много этихъ ссылокъ?“ (217). Изъ многаго выберемъ наилучшее. По ученію ап. Павла (1 Кор., XII, и Ефес., IV) человѣчество есть единое живое цѣлое, духовно-физическій организмъ, реально-несовершенный, но возрастающій и развивающійся до идеальной полноты и совершенства; члены этого организма безусловно солидарны между собою, всѣ необходимы для каждаго и каждый необходимъ для всѣхъ, такъ что благосостояніе или страданіе одного прямо отзываются благосостояніемъ или страданіемъ всѣхъ другихъ; и такъ какъ каждый имѣетъ свое безусловное значеніе, свое незамѣнимое мѣсто въ общей жизненной цѣли, то, слѣдовательно, всѣ по отношенію къ цѣлому безусловно равны между собою. Эта идея всеединого че-

ловѣчества, несмотря на свою общность, достаточно опредѣленна именно въ томъ смыслѣ, что въ пей единство цѣлаго совпадаетъ съ равенствомъ всѣхъ частей, а потому на почвѣ этой идеи я употреблялъ и—не во гнѣвъ г. Страхову—всегда буду употреблять эти два термина какъ однозначашіе. Но почтенный критикъ, избалованный Данилевскимъ съ его столь точною „анатоміей“ челоѣчества, требуетъ и отъ меня чего-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ находитъ, что я долженъ бы хотъ намекнуть на то, какъ я представляю себѣ самую *организацию* челоѣчества. Почему же только намекнуть? Безъ сомнѣнія, анатомическая точность Данилевскаго для меня недостижима, но нѣкоторыя прямая и опредѣленныя (хотя весьма неполныя и отрывочныя) указанія на основную органическую форму челоѣчества г. Страховъ можетъ найти у меня, но только, разумѣется, не въ статьѣ „Россія и Европа“. Да и зачѣмъ ему искать этого именно тутъ? Г. Страховъ можетъ, конечно, безъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій, получать всякія клиги и брошюры. Но, конечно, этотъ великодушный критикъ никогда не воспользуется своимъ удобствомъ для ознакомленія съ моими мыслями: ему слишкомъ удобно побѣждать меня въ пустомъ пространствѣ. „Какое же право,—продолжаетъ онъ,—мы имѣемъ называть что-нибудь организмомъ, если не можемъ указать въ немъ ни одной черты органическаго строенія? Въмѣсто того г. Соловьевъ съ величайшими усиліями вооружается противъ культурно-историческихъ типовъ Данилевскаго и старается подорвать ихъ со всевозможныхъ сторонъ, очевидно, воображая, что когда челоѣчество явится передъ нами въ видѣ безформенной, однородной массы, въ видѣ простого скопленія челоѣческихъ недѣлимыхъ, тогда-то оно будетъ всего больше походить на живое цѣлое“ (219). Откуда, однако, такое странное разсужденіе? Какъ будто кромѣ несуществующихъ „культурно-историческихъ типовъ“ нельзя найти у челоѣчества дѣйствительныхъ частей и органовъ? А дѣленіе на Востокъ и Западъ? а разные племена и народы, религіозныя и соціальныя корпораціи—чѣмъ же это не черты органическаго строенія? Въдъ ничего этого я не отрицаю, а слѣдовательно и не могу видѣть въ челоѣествѣ простого скопленія недѣлимыхъ. Но что подѣлаешь съ г. Страховымъ! Ему нужна альтернатива: „или культурно-историческіе типы, или безформенная, однородная масса!“ Такъ ему хочется—и все тутъ: *der Wille ist ein Ugrund*.

Съ этой точки зрѣнія нечего удивляться, что почтенный критикъ собираетъ на мою голову самыя противорѣчивыя укоры. Хочется ему на стр. 207, чтобы я высококомѣрно отнссился къ За-

паду, и вотъ я высокомеренъ до наглости; хочется на стр. 252, чтобы я былъ подобострастенъ передъ Европой, и вотъ я раблѣпствую до холопства. Захотѣлось г. Страхову на стр. 248, чтобы я былъ чрезвычайно наивенъ, и я поражаю всякаго своего наивностью, а на стр. 229, по той же творческой волѣ г. Страхова, я являю небывалый доселѣ примѣръ коварства. Особенно тяжела пришлась мнѣ эта глава: „Объединители“. Попрекнувши меня Александромъ Македонскимъ, римскими гонителями христіанъ, а равно и испанскою инквизиціею, г. Страховъ идетъ далѣе въ глубь временъ и довольно прозрачно намекаетъ на мою солидарность съ царемъ Навуходоносоромъ, причемъ самъ является сторонникомъ бѣдныхъ евреевъ, сидѣвшихъ на рѣкахъ Вавилонскихъ и плакавшихъ (стр. 233). Ну, это ужъ черезъ-чуръ! Какъ будто не видно всякому, кто изъ насъ двоихъ сидитъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, и кто пляшетъ передъ истуканомъ на равнинѣ Дура... Впрочемъ г. Страховъ шутокъ не любитъ. Итакъ, скажу ему прямо и серьезно. Приписывая мнѣ сочувствіе къ насильственному объединенію, онъ имѣлъ въ виду вопросъ о соединеніи церквей, о которомъ я писалъ въ „Руси“ покойнаго Аксакова, въ „Православномъ Обзорѣніи“ и въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ подъ его же редакціей. Прошу же его сказать, предлагалъ ли я когда-нибудь (въ помянутыхъ ли статьяхъ, или гдѣ бы то ни было) для этого объединенія другой путь, кромѣ свободнаго и сознательнаго, на всестороннемъ обсужденіи спорныхъ пунктовъ основаннаго соглашенія обѣихъ сторонъ? Указывалъ ли я другое практическое средство для желанной мною цѣли, кромѣ полной религіозной и научной свободы? Утверждалъ ли я когда-нибудь, что „духовное царство“ Рима есть совершенный идеалъ всемірнаго единства? А затѣмъ прошу его сообразить, что завѣдомо ложное причисленіе имъ меня къ сторонникамъ насильственнаго объединенія тѣмъ болѣе неприлично, что самые близкіе и реальные примѣры такого объединенія находятся, какъ ему хорошо извѣстно, совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ ихъ указываетъ.

III.

„Обо всей исторіи (?) культурно-историческихъ типовъ, объ этой „естественной системѣ“ исторіи, г. Соловьевъ, на основаніи своего разбора произноситъ слѣдующій заключительный приговоръ: эта система, соединяющая разнородное и т. д. Боже! какъ громко и рѣзко, а какая путаница! Я хочу сказать, что

тутъ набраны всякіе, самыя разнородныя, но все общіе упреки, такъ что эту характеристику можно отнести ко всякому очень плохому разсужденію“ („Р. В.“, 219). Въ *общемъ* заключеніи изъ подробнаго разбора теоріи Данилевскаго я только то и хотѣлъ сказать, что эта теорія принадлежитъ къ числу „очень плохихъ разсужденій“. А частныя основанія для этого общаго сужденія находятся въ самомъ разборѣ. Но на г. Страхова мнѣ не угодить. Съ одной стороны, онъ недоволенъ „общими упреками“, а съ другой—ему не нужны „частныя доказательства“. „Если система Данилевскаго,—продолжаетъ онъ,—несостоятельна, то, очевидно, нужно открыть ея *главный грѣхъ*, и тогда мы вполне поймемъ ея несостоятельность, и не нужно будетъ подбирать разныхъ частныхъ доказательствъ, изъ которыхъ не выходитъ одного общаго“ („Р. В.“, 219, 220). Главный грѣхъ въ „системѣ“ Данилевскаго состоитъ въ томъ, что она основана на *мнимой* величинѣ, ибо культурно-историческихъ типовъ въ смыслѣ Данилевскаго, какъ это указано и, съ вашего позволенія, доказано въ моемъ разборѣ, не существуетъ и никогда не существовало въ дѣйствительности. Г. Страховъ самъ это знаетъ, а потому и старается какъ-нибудь обойти мои частныя доказательства.

Вмѣсто того, чтобы показать мнѣ дѣйствительность выдуманнаго Данилевскимъ дѣленія, г. Страховъ пускается въ длинное разсужденіе о естественной системѣ вообще. Разсужденіе это начинается такими словами: „Прежде всего г. Соловьевъ *безъ сомнѣнія вовсе* не понимаетъ требованій естественной системы“ („Р. В.“, 220),—а продолжается на слѣдующей страницѣ такъ: „Должно быть, однако же, г. Соловьевъ кой-что знаетъ о естественной системѣ“. Это великодушное противорѣчіе не соблазняетъ меня, однако, настаивать на своемъ пониманіи естественной системы. Я радъ и тому, что съ полною ясностью понялъ то боковое движеніе, посредствомъ котораго г. Страховъ хочетъ уйти отъ „рокового вопроса“ о *дѣйствительности* культурно-историческихъ типовъ. Поговоривши достаточно о равнобедренныхъ треугольникахъ и т. п., искусный критикъ выбираетъ, наконецъ, изъ всѣхъ моихъ возраженій одно, наименѣе важное, по не для того, чтобы его опровергать, а ради такого заключенія: ну что за бѣда? одна ошибка не въ счетъ! вѣдь это только при непониманіи естественной системы можно воображать, что она должна быть сразу вполне точною и безошибочною! У читателя, которому г. Страховъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и остается впечатлѣніе, что въ теоріи Данилевскаго указана *только одна* ошибка, да и то маловажная. Но неожиданно для почтеннаго

критика въ числѣ его читателей оказался и я, и тутъ уже ему придется помогать самому себѣ. Мнѣ-то ужъ онъ не станетъ говорить объ „одной“ ошибкѣ, когда я показалъ, что защищаемая имъ теорія вся сплошь состоятъ изъ ошибокъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ „естественною системою“ быть не можетъ. По справедливому замѣчанію г. Страхова, ошибочное причисленіе кита къ рыбамъ не мѣшало симъ послѣднимъ составлять естественную группу. Но чтѣ бы онъ сказалъ о такой зоологической системѣ, которая сверхъ причисленія кита къ рыбамъ раздѣляла бы всѣхъ животныхъ на пять классовъ: рыбъ, канареекъ, лошадей, млекопитающихъ и медвѣдей? Была ли бы это тоже „естественная“ система, только пуждающаяся въ поправкахъ для своего совершенства? Если г. Страховъ увѣренъ, что такое сравненіе не идетъ къ защищаемой имъ исторической классификаціи, если онъ допускаетъ въ ней въ самомъ дѣлѣ только *одну* ошибку, то ему слѣдовало бы доказать, что всѣ остальные мною выдуманы. Но у него другая забота: терзаемый раскаяньемъ, что сдѣлалъ мнѣ одну, хотя кажущуюся, но все-таки уступку, онъ предпринимаетъ новый, еще болѣе искусный и сложный маневръ, чтобы обратить признанный имъ промахъ въ заслугу Данилевскому. Свачала говорилось такъ: „Китъ, о которомъ идетъ рѣчь, — финикіане. Данилевскій вовсе не разсуждаетъ объ этомъ народѣ и его исторіи; онъ только голословно, ссылаясь на одну лишь *общеизвѣстность*, соединилъ его (въ своемъ перечисленіи типовъ) въ одинъ типъ съ ассиріянами и вавилонянами“ („Р. В.“, 222). А черезъ страницу (224) оказывается, что Данилевскій поступилъ такъ потому, что „вздумалъ воевать противъ того *недостатка научной строгости*, который такъ обыкновененъ въ историческихъ сочиненіяхъ и такъ по душѣ приходится г. Соловьеву“. И далѣе: „Данилевскій пожелалъ яснаго и *точного* распредѣленія фактовъ, общей группировки ихъ по степени ихъ естественнаго сродства, и предложилъ теорію культурныхъ типовъ. Вотъ его преступленіе противъ тѣхъ, кому низшія требованія науки мѣшаютъ предаваться высшимъ полетамъ“ (225). Такимъ образомъ выходитъ, что авторъ „культурно-историческихъ типовъ“ голословнымъ утвержденіемъ по предмету ему неизвѣстному, и однако прямо входящему въ его задачу, доказалъ свою научную строгость и стремленіе къ точному распредѣленію фактовъ, а я, указавши на ошибочность его голословнаго утвержденія, обнаружилъ тѣмъ презрѣніе къ низшимъ требованіямъ науки. Ну, развѣ это не верхъ полемическаго искусства?

Менѣе искусно, но, быть можетъ, еще болѣе удачно, съ своей

точки зрѣнія, поступаетъ г. Страховъ по поводу одной изъ логическихъ несообразностей въ классификаціи культурныхъ типовъ. Эти послѣдніе, по Данилевскому, расчленяются на меньшія этнографическія группы; такъ напр., на стр. 105 своей книги (изд. 2-е) онъ расчлепаетъ эллинскій культурно-историческій типъ на три группы: іонійскую, дорійскую и эолійскую. Но такъ какъ по его системѣ вся романо-германская Европа есть не болѣе какъ одинъ изъ культурно-историческихъ типовъ на ряду съ Греціей, то и выходитъ явное противорѣчіе логическому правилу, требующему, чтобы расчлененія однородныхъ группъ находились въ аналогическомъ отношеніи или соотвѣтствіи между собою. Этого-то соотвѣтствія и нѣтъ между романо-германскою Европой и Греціей; ибо первая расчленяется на цѣлыя великіе народы, говорящіе совершенно различными языками (какъ напр., англичане и испанцы), тогда какъ въ Греціи ея подраздѣленія: іонійцы, дорійцы и эолійцы—были лишь близкія между собою вѣтви одного и того же народа, говорившія однимъ и тѣмъ же языкомъ, лишь съ незначительными діалектическими различіями. Г. Страховъ хорошо понимаетъ, что эта несообразность поважнѣе „кита“, и что ея одной вполне достаточно, чтобы въ корнѣ подорвать всю систему Данилевскаго, которая вѣдь для того только и придумана, чтобы отнять у „Европы“ всякое универсальное значеніе и низвести ее на степень одного изъ многихъ типовъ культуры. Въ виду этого г. Страховъ, полагаясь съ одной стороны на невнимательность читателей, а съ другой стороны на достовѣрность единомышленныхъ ему газетъ, утверждавшихъ, что я „выбылъ изъ строя“, рѣшился на отчаянное средство; онъ прямо и просто утверждаетъ, что Данилевскій никогда и не думалъ объ этнографическомъ расчлененіи своихъ типовъ. Читайте сами: „никогда этой мысли не было у Данилевскаго. Подъ членами онъ тутъ понималъ всякаго рода историческія *событія*, и хотѣлъ сказать, что только событія, относящіяся къ исторіи одного культурнаго типа, бывають связаны между собою столь же тѣсно, какъ *событія другого типа* между собою“ („Р. В.“, 225). Пощадите хоть мертвыхъ, г. Страховъ! Подумайте хорошенько, чтд вы тутъ взвели на вашего покойнаго друга! Вѣдь его культурные типы, какъ вы сами передъ тѣмъ настойчиво утверждали на стр. 218, суть *анатомическія* группы, и вдругъ эти анатомическія группы расчленяются на *событія*! Изъ какихъ „событій“ состоитъ запястье у млекопитающихъ, почтенный магистръ зоологіи? Какое безмѣрное презрѣніе къ своей публикѣ нужно имѣть, чтобы предлагать ей такіе „сапоги въ смятку“! Но пусть читатели „Русскаго Вѣст-

ника“ считаются сами съ г. Страховымъ за это явное оскорбленіе. Меня болѣе интересуетъ та смѣлость, съ которою онъ отрицаетъ *фактическую* истину. Вѣдь это фактъ, что Данилевскій принималъ этнографическое расчлененіе культурныхъ типовъ. Или, раздѣляя греческій типъ на іонійцевъ, дорійцевъ и эолійцевъ, онъ и мысли не имѣлъ объ этнографическомъ расчлененіи? Послѣ этого отъ полемическаго искусства г. Страхова остается ожидать одного, что въ новомъ изданіи „Россіи и Европы“ онъ выпуститъ изъ текста безъ всякихъ оговорокъ всѣ неудобныя ему страницы. Я знаю не мало примѣровъ такого „строго-научнаго“ исправленія книгъ и документовъ, и г. Страховъ, слѣдуя этимъ путемъ не вышелъ бы изъ предѣловъ современной русской „самобытности“. Замѣтимъ однако, что маленькія полемическія побѣды, достигаемыя этимъ дешевымъ способомъ, совершенно призрачны. Положимъ, напримѣръ, что г. Страхову удалось надѣть шапку-невидимку на стр. 105 въ книгѣ „Россія и Европа“ — развѣ отъ этого дѣйствительное значеніе этнографическихъ расчлененій сколько-нибудь измѣнится? Различіе между французами и шведами останется все-таки несоизмѣримо бѣльшимъ, нежели между іонійцами и эолійцами, и все-таки невозможно будетъ ставить на одну доску такую многонародную группу, какъ Европа, съ такими простыми національными единицами, какъ Китай, Египетъ или Греція.

IV.

Если г. Страховъ не усомнился даже покойному Данилевскому приписать явную нелѣпость о расчлененіи анатомическихъ группъ на событія, то нечего удивляться, что онъ мнѣ приписываетъ, хотя и съ противоположными цѣлями, не меньшую нелѣпость, а именно, будто бы, по моему, приведеніе въ движеніе и остановка маятника не суть явленія движенія и могутъ совершаться вопреки механическимъ законамъ. Чтобы навязать мнѣ эту несообразность, онъ приводитъ мой пояснительный примѣръ безъ начала и конца — безъ конца въ полномъ смыслѣ, такъ какъ обрываетъ его на словѣ: *которой*.—Это разсужденіе, замѣчаетъ г. Страховъ, „чрезвычайно просто“. Особенно просто сдѣлалось оно съ тѣхъ поръ, какъ онъ упростилъ его по способу того миѣическаго разбойника, который отрубалъ голову и ноги у путешественниковъ неподходящаго для него роста.

Прошу позволенія привести упрощенное г. Страховымъ раз-

сужденіе (оно и такъ невелико), чтобы видно было, зачѣмъ почетному критику по-неволѣ пришлось остановиться на словѣ: „которой“. „Истины механики и физики суть непреложные законы въ порядкѣ матеріальныхъ явленій; но распространяемость этихъ законовъ на область дѣйствующихъ причинъ, ихъ безусловное значеніе для всѣхъ возможныхъ порядковъ бытія — это есть вопросъ философскаго умозрѣнія, а не истина положительной науки. (Отселѣ начинается цитата г. Страхова). Маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики; но признавать далѣе, что и остановленъ и приведенъ въ движеніе маятникъ можетъ быть исключительно только механическою причиною — значить изъ области научной механики переступить на почву той умозрительной системы, для которой... (здѣсь прерывается мое „упрощенное“ разсужденіе) — для которой и человекъ, нарочно останавливающий маятникъ по какимъ-нибудь психическимъ побужденіямъ, есть въ сущности не болѣе какъ механическій автоматъ“¹⁾). Теперь всякому ясно, что мало-употребительный перерывъ фразы на словѣ: „которой“, былъ безусловно необходимъ для г. Страхова, такъ какъ иначе онъ не могъ бы вывести изъ моихъ словъ той нелѣпости, которая такъ его воодушевила. Безъ этого „упрощенія“ моей мысли ему неудобно было бы ссылаться на одинъ изъ законовъ механики, когда дѣло идетъ о значеніи и предѣлахъ самой механической причинности вообще, — аргументація, свойственная плохимъ школьнымъ богословамъ, которые, напримѣръ, боговдохновенность священнаго писанія доказываютъ отдѣльными текстами самого писанія, утверждающими эту боговдохновенность.

Правда, кромѣ перваго закона механики, г. Страховъ ссылается еще на „великія философскія ученія Декарта и Лейбница“; но эта ссылка очевидно предназначена *ad usum* тѣхъ читателей, для которыхъ Декартъ и Лейбницъ суть страшныя слова въ родѣ „металла“ и „жупела“. Ибо всѣмъ прочимъ должно быть извѣстно, что ученія названныхъ философовъ могутъ быть велики и важны въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи, но только не въ томъ, о которомъ идетъ рѣчь. Вопросъ о взаимодѣйствіи духа и матеріи есть, какъ всякому извѣстно, большое мѣсто картезіанскаго дуализма и лейбницевоу монадологіи. Всѣмъ извѣстны жалкія попытки рѣшить задачу на почвѣ этихъ системъ. Теорія „окезональных причинъ“ картезіанца Гейлинкса и „предустановленная гармонія“ Лейбница остались въ исторіи филосо-

¹⁾ „Нац. вopr. въ Россіи“. Изд. 2, стр. 202.

фіи какъ послѣдніе образцы тѣхъ метафизическихъ вымысловъ, ни на чемъ не основанныхъ и ничего не объясняющихъ, которые изобрѣтались въ такомъ обиліи греческими философами и средневѣковыми схоластиками и болѣе обнаруживали, нежели прикрывали безсиліе отвлеченнаго разсудка.

Но допустимъ, что въ „окказіонализмѣ“ и „предустановленной гармоніи“ заключается серьезная философская мысль; допустимъ даже, что этими теоріями удовлетворительно рѣшенъ вопросъ объ отношеніи между духомъ и веществомъ, и что если онѣ мнѣ кажутся жалкимъ вздоромъ, то только потому, что я ихъ не понимаю. Все это я могу допустить безъ малѣйшаго ущерба для моего аргумента. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего собственно вышелъ весь этотъ разговоръ о механикѣ и о „великихъ ученіяхъ“. Я утверждалъ (и утверждаю), что г. Страховъ, какъ сторонникъ механическаго міровоззрѣнія, представляющаго одно изъ направленій западной мысли, есть западникъ, притомъ западникъ односторонній, и что его „борьба съ Западомъ“ есть лишь звукъ, коего „значеніе темно и ничтожно“. На это г. Страховъ отвѣчаетъ, что онъ не матеріалистъ, и что онъ держится механическаго міровоззрѣнія не только на физическихъ, но и на метафизическихъ основаніяхъ именно въ смыслѣ „великихъ философскихъ ученій Декарта и Лейбница“. Такой отвѣтъ могъ бы быть умѣстенъ, еслибы два названные философа принадлежали не къ Западу, а къ какой-нибудь другой странѣ свѣта. Но такъ какъ совершенно несомнѣнно, что системы Декарта и Лейбница суть произведенія западной и притомъ односторонней, отвлеченно-метафизической философіи, то аппеляція къ нимъ отъ обвиненія въ западничествѣ защитить не можетъ. И какими бы полемическими любезностями ни осыпалъ меня по этому поводу почтенный критикъ, все-таки остается неопровержимымъ, что онъ принадлежитъ къ числу одностороннихъ западниковъ, и что его борьба съ Западомъ есть явленіе — говоря его словами — *загадочно-нелѣпное*.

V.

„Г. Соловьеву извѣстны мои три книги; но теперь мнѣ ясно, что онъ главнаго въ нихъ и не могъ понять, несмотря на свои занятія философіею“ („Р. В.“, 249). Что правда, то правда. Въ самомъ дѣлѣ, я не понималъ, да и не могъ понять *главнаго* въ произведеніяхъ г. Страхова, хотя и имѣлъ о томъ нѣкоторое смутное ощущеніе. Занятія философіею никакъ не могли мнѣ

„помочь въ этомъ дѣлѣ“, — помогъ, самъ того не замѣчая, г. Страховъ, и теперь я съ совершенною увѣренностью утверждаю и сейчасъ докажу, что „главное“ въ мысляхъ и разсужденіяхъ почтеннаго критика стало для меня вполне прозрачно. Предметъ — стѣдующій вниманія, такъ какъ онъ касается, помимо г. Страхова, нѣкоторыхъ общихъ грѣховъ и болѣзней. Въ слѣдующихъ словахъ (стр. 250) авторъ трехъ книгъ раскрылъ мнѣ причину моего непониманія, а тѣмъ и устранилъ оное: „О чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался быть яснымъ и занимательнымъ, есть множество читателей, которые не хотятъ ничего слушать, ни мало не интересуются моими разсужденіями, а сейчасъ же пристають ко мнѣ: да вы кто такой? выкиньте ваше знамя! — Это приводитъ меня въ отчаяніе“. — Читая это признаніе, я начиналъ прозрѣвать, а окончательно озарился разумѣніемъ, прочтя слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „Недавно г. Модестовъ очень жалѣлъ, что никакъ не можетъ дать мнѣ опредѣленной клички: пантеистъ ли онъ, говорить обо мнѣ г. Модестовъ, деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либераль ли онъ, консерваторъ ли онъ — однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Какое (это г. Страховъ восклицаетъ) по истинѣ праздное любопытство (?) и какое обидное невниманіе! (?) Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занять вѣпросомъ, въ какую меня посадить... Онъ только объ этомъ и говоритъ и, къ моему огорченію, вовсе не коснулся вѣпросовъ, которымъ посвящена моя книга“.

Еслибы пантеизмъ, положительная религія, идеализмъ, либерализмъ и т. д. были, въ самомъ дѣлѣ, клѣтками, изобрѣтенными г. Модестовымъ, то желаніе посадить въ одну изъ нихъ г. Страхова было бы неосновательно и даже противно дѣйствующимъ законамъ. Но такъ какъ дѣло идетъ не о изобрѣтеніяхъ г. Модестова, а о существующихъ въ человѣчествѣ ископѣхъ вѣка точкахъ зрѣнія на основныя вѣпросы жизни и знанія, то нѣтъ ничего празднаго и обиднаго въ желаніи узнать, какъ относится извѣстный авторъ къ этимъ точкамъ зрѣнія, т.-е., другими словами, какое окончательное рѣшеніе общепитересныхъ задачъ онъ предлагаетъ, во что онъ вѣрить, въ чемъ убѣжденъ. И если относительно г. Страхова „множество читателей“, съ г. Модестовымъ во главѣ, не могло удовлетворить своего законнаго желанія, то, во-первыхъ, спрашивается: кто въ этомъ виноватъ? а во-вторыхъ, предполагая даже, что виновата исключительно непонятливость

читателей, г-ну Страхову слѣдовало бы не обижаться и не отчаиваться, а помочь этому множеству хотя и непонятливыхъ, но искреннихъ и благонамѣренныхъ людей: вѣдь счелъ же онъ „нѣ-которымъ долгомъ“ помочь имъ въ дѣлѣ гораздо менѣе интересномъ (стр. 203). Никто, конечно, не требовалъ отъ г. Страхова, чтобы онъ приписался исключительно къ какой-нибудь одной философской или политической категоріи. Безъ сомнѣнія, ни одна изъ нихъ не исчерпываетъ живой истины. Охватить все прямымъ взглядомъ изъ одного умственного средоточія есть задача для человѣка непосильная, и преслѣдованіе ея можетъ порождать только одностороннія, узкія и ограниченныя воззрѣнія. Ничто не препятствуетъ г. Страхову объявить себя сторонникомъ какой угодно синтетической системы, хотя бы своей собственной. Требуется только, чтобы это былъ дѣйствительный синтезъ, т.-е. *опредѣленное* сочетаніе различныхъ умственныхъ и жизненныхъ началъ, а не хаотическое смѣшеніе разнородныхъ взглядовъ, взаимно себя уничтожающихъ. Навѣрное, множество недоумѣвающихъ читателей было бы въ высшей степени довольно, еслибы г. Страховъ, не приписываясь ни къ одному изъ существующихъ *измовъ*, могъ бы указать имъ на свое собственное, хотя бы очень сложное, но опредѣленное и положительное рѣшеніе главныхъ философскихъ и социальныхъ вопросовъ. Но онъ вмѣсто этого указываетъ на ясность и занимательность своихъ разсужденій. Ну не явное ли это недоразумѣніе? Читатель спрашиваетъ автора: кто вы такой? т.-е. какъ относитесь вы къ истинѣ, чѣмъ можете удовлетворить существенныя потребности нашего ума и сердца?—а авторъ на это отвѣчаетъ: „я человѣкъ, старающійся ясно и занимательно разсуждать о разныхъ предметахъ“. Вотъ прекрасный варіантъ къ евангельскому изреченію о змѣѣ вмѣсто рыбы. И не въ правѣ ли всякій читатель придти къ такому заключенію: „если такъ, если все дѣло только въ ясности и занимательности, то ужъ извините—мнѣ вашихъ разсужденій и даромъ не надо: для занимательности у меня есть „Тысяча и одна ночь“ и газетныя пародіи, а для ясности—учебникъ алгебры профессора Давидова. У васъ же я искалъ „вѣчныхъ истинъ“, но нашелъ ихъ только въ одномъ заглавіи“.

Равнодушіе къ истинѣ—вотъ то „главное“ въ произведеніяхъ г. Страхова, чего я прежде не понималъ, и что выяснилось для меня изъ его краткаго отвѣта г. Модестову и „множеству“ недоумѣвающихъ читателей. Теперь мнѣ понятно, почему г. Страховъ можетъ бороться съ Западомъ подъ западнымъ знаменемъ, почему онъ съ одинаковымъ жаромъ, ясно и занимательно защи-

щаетъ мистическую идею славянофильства и механическое міровоззрѣніе западныхъ ученыхъ: послѣднее, очевидно, привлекаетъ его своею ясностью, а первая кажется ему особенно занимательною. А что тутъ есть несомнѣстимость съ точки зрѣнія истины, то какое же до этого дѣло ясному и занимательному критику? Истина для него есть клѣтка, а онъ хочетъ гулять на свободѣ. Г. Страховъ равнодушенъ къ истинѣ принципиально, для него самый вопросъ объ истинѣ не имѣетъ смысла, и когда его спрашиваютъ, какъ онъ относится къ этому вопросу, онъ совершенно искренно обижается и даже приходитъ въ отчаяніе. При такомъ умственномъ настроеніи, несмотря на всѣ старанія быть яснымъ и занимательнымъ, легко впасть въ такія странности, которыя иначе были бы совершенно необъяснимы. Вотъ какъ, напримѣръ, толкуетъ г. Страховъ названіе своей книги. Эти слова: *борьба съ Западомъ*— „выражаютъ желаніе труда, твердой умственной работы, при которой одной невозможно рабство передъ авторитетомъ“. Итакъ, желать труда, призывать къ твердой умственной работѣ, значитъ—бороться съ Западомъ! Очевидно, равнодушіе къ истинѣ доходитъ здѣсь до полного невниманія къ объективному значенію человѣческаго слова.

Истина есть право на существованіе. Народы Востока, за исключеніемъ евреевъ, видѣвшіе въ самомъ Богѣ небесномъ одну только абсолютную силу, естественно преклонялись и на землѣ только передъ проявленіемъ вѣшней силы, передъ грубымъ фактомъ, не спрашивая у него никакого внутренняго идеальнаго оправданія. Отсюда—то равнодушіе къ истинѣ, то уваженіе ко всякой искусной и успѣшной лжи, которымъ всегда отличалась восточная половина человѣчества. Отсюда же отсутствіе у нея всякаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ, о правахъ личности. Если все рѣшается первѣсомъ силы, то, естественно, человѣкъ можетъ имѣть значеніе не въ качествѣ человѣка, а только въ мѣру своей фактической силы ¹⁾.

Равнодушіе къ истинѣ и презрѣніе къ человѣческому достоинству, къ существеннымъ правамъ человѣческой личности—эта восточная болѣзнь давно уже заразила общественный организмъ русскаго общества и доселѣ составляетъ корень нашихъ недуговъ. Это признавали и нѣкоторые безпристрастные славянофилы (напр. Кирѣевскій), но предлагали лечить восточную болѣзнь

¹⁾ Поэтому всякое личное противодѣйствіе силъ, всякая борьба *противъ теченія* считаются на Востокѣ безуміемъ. Г. Страховъ съ истинно-восточною самобитностью объявилъ „неодобрительнымъ поступкомъ мой единоличный протестъ противъ повальнаго націонализма, обуявшаго, въ послѣднее время, наше общество и литературу.“

погруженіемъ въ исключительно-восточное міросозерпаніе. Едва ли умѣстно примѣненіе такого гомеопатическаго принципа къ общественной жизни. Г. Страховъ, самъ жертва нашего общественнаго недуга, признаетъ съ своей стороны, что безмѣрное тѣло Россіи нездорово. Онъ предлагаетъ и способъ исцѣленія, но это даже не гомеопатія, даже не знахарство: онъ объявляетъ, что мы будемъ здоровы, если только *будемъ сами собою*. „Греки говорили: *познай самого себя*, а намъ, кажется, всего больше нужно твердить: *будь самимъ собою!*“ (252). Но чтѣ же такое по вашему „быть самимъ собой“, какъ не быть духовно здоровымъ? Значить, все ваше леченіе сводится только къ тому, чтобы твердить больному: *будь здоровъ!*

Будьте здоровы, г. Страховъ!

Владиміръ Соловьевъ.

